

Фрида Нильсон

Тонкий меч

МИФ
АРТСТО

Фрида Нильсон

Тонкий меч

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2017

УДК 82-312.9
ББК 84(4Шве)6-445

Нильсон Ф.

Тонкий меч / Ф. Нильсон — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»,
2017

В дом Саши пришла беда – его мама тяжело заболела. Когда за ней приходит Господин Смерть, мальчик отправляется следом, чтобы вернуть свою маму. В Царстве Смерти Саша встретит сильных хильдинов, отважных спартанов и строгих гарпирий, найдет верных друзей и вызовет на поединок самого Господина Смерть... Адресовано детям среднего школьного возраста.

УДК 82-312.9
ББК 84(4Шве)6-445

© Нильсон Ф., 2017
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2017

Содержание

Смерть	7
Мухи	10
Отплытие	15
Друг	17
Хирн	21
Встреча	24
В сундуке	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Фрида Нильсон

Тонкий меч

Издано с разрешения Frida Nilsson c/o Natur & Kultur

Для среднего школьного возраста

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Original title: Det tunna svärdet

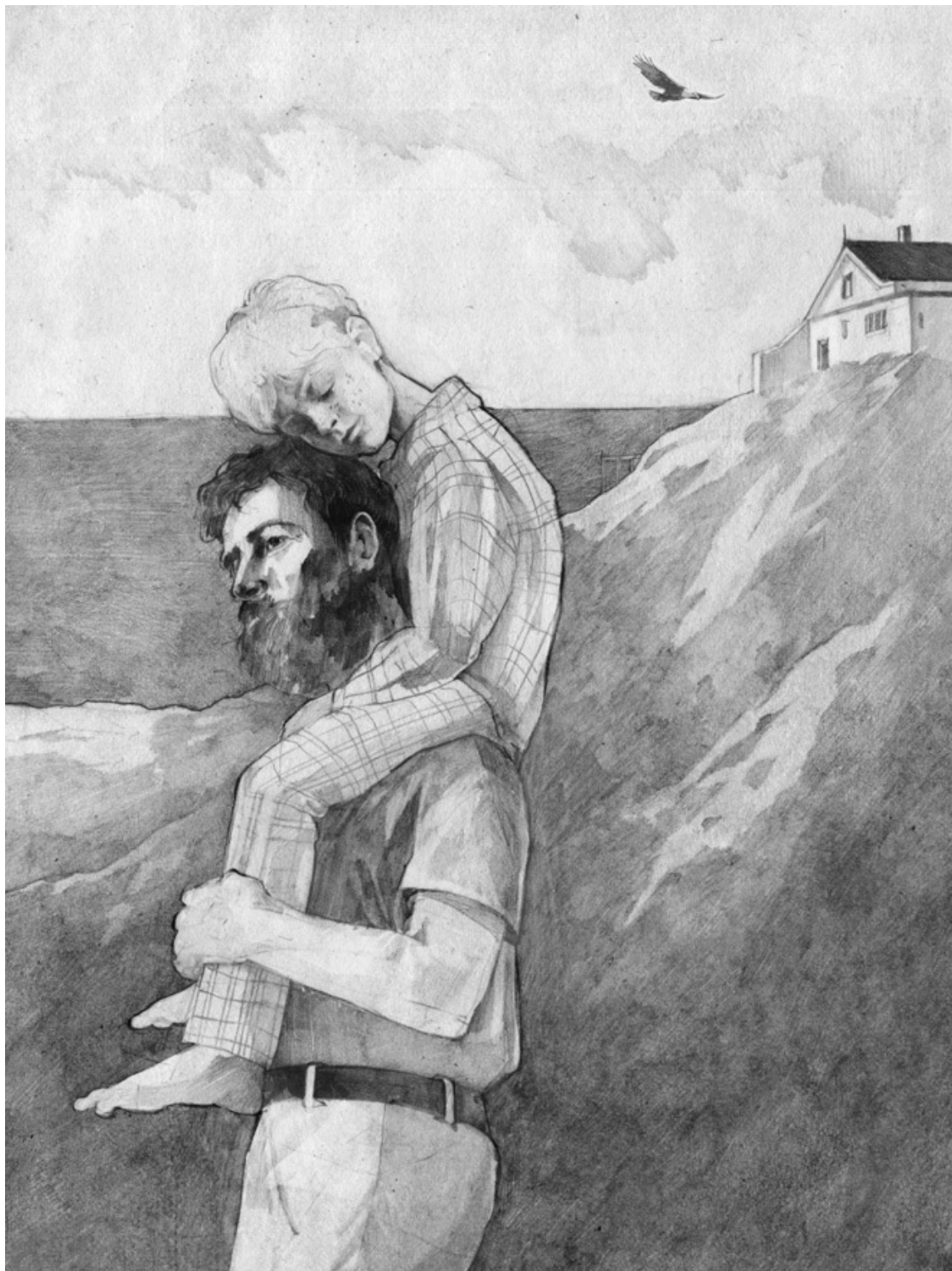
Copyright © by Frida Nilsson and Natur & Kultur, Stockholm 2017.

Published in agreement with Koja Agency.

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2019.

Издание данного перевода было произведено на основе субсидии от Шведского совета по искусству. The cost of this translation was defrayed by a subsidy from the Swedish Arts Council, gratefully acknowledged.

* * *

Смерть

Всю дорогу до песчаной косы папа шел по воде и нес меня на плечах. Я крепко обнимал его за шею, чтобы не упасть. Солнце разливало белое сияние над морем. В самом глубоком месте вода доставала папе почти до подбородка. Он сказал, что дно под ногами похоже на ванильный крем.

Когда мы пришли, папа ссадил меня на теплый песок.

– Пройдемся немного? – предложил он.

Я кивнул и взял его за руку.

С этого берега наш пляж казался совсем маленьким. Я разглядел одежду, которую папа свернул и оставил на старой скамейке. Мы прошли еще чуть-чуть, и я увидел лодочные причалы на другом берегу: они торчали из тростника, словно кривые серые языки.

Папа вздохнул и улыбнулся. Счастливой улыбкой. Да, в тот момент он и вправду был счастлив. И я тоже. Ничего не мог с этим поделать. Хорошо было сбегать на время из нашего темного притихшего дома, хорошо было идти вот так вдвоем и думать лишь о море, небе и солнце.

Вдруг послышался злобный клёкот. Это орлан-белохвост взлетел с высокой сосны, что росла посредине косы. Папа рукой заслонился от солнца.

– Посмотри, Саша! – сказал он. – Вон там, в ветвях, у него гнездо.

Я вытянул шею и почти сразу увидел большое орлиное гнездо, похожее на коричневый спутанный клубок. Папа сказал, что, наверное, в гнезде есть птенцы и лучше нам уйти отсюда.

– Подожди, – попросил я. – Давай еще немножко тут побудем.

Но папа торопил: орел наверняка нас испугался и может вообще бросить птенцов. Тогда я поднял с земли два коричневых пера, задрал руки и крикнул птице в небе:

– Посмотри на меня! Я тоже могу летать! Но я тебя не обижу!

Я стал бегать, быстро-быстро, взад и вперед, держа перья в руках. Папа засмеялся и сказал, что этак я и впрямь скоро взлечу. Орел, видимо, решил, что я такая же птица, как он, успокоился и вскоре вернулся в гнездо. Он следил, как я махал руками. А я радовался, что нам пока не надо возвращаться домой.

Папа сел и, прищурившись, посмотрел на море. Прохладный ветерок раскачивал метелки тростника. Налетавшись вдоволь, я подбежал к папе, забрался ему на колени и замер, прижавшись лбом к его волосатой груди, а потом сказал:

– Теперь можем идти.

Папа кивнул, встал, опять усадил меня себе на плечи и снова вошел в сверкающую воду.

Добравшись до берега, мы переоделись. Папа вдруг заторопился, видимо, тоже почувствовал, что мы слишком задержались. Мы понимали, что нам нельзя вот так беспечно проводить время вдвоем. Папа погладил меня по голове.

– Собрался?

– Угу.

Дорога была сухой и пыльной. По канавам пестрели летние цветы: васильки, клевер, лютики. Меловая гора, протянувшаяся вдоль всей дороги, напоминала огромную поросшую кустарником спину. Папа нес в руке наши мокрые плавки. С них капало, вода оставляла на тропинке маленькие следы-точки. Мы шли молча. Я уже различал наш дом на холме и видел, что окно в комнате, где лежала Семилла, приоткрыто.

Когда мы подошли ко двору Кая, то услышали чьи-то крики. Оказалось, что шесть его свиней сломали загон и выбрались на поле полакомиться картошкой. Кай бегал вокруг и пытался им помешать. Он размахивал палкой и ругался на чем свет стоит, но свиньи только

с визгом отскакивали – и снова принимались за картошку. Забавная была картина. Мы приснули со смеху, но, конечно, так, чтобы Кай не услышал.

Хотя папа торопился домой, но вынужден был прийти на подмогу. Кай добрый, он каждое Рождество приносит нам большой копченый окорок и денег не берет.

– Я сейчас, – сказал папа, протянул мне плавки и помчался на поле.

Я стоял и смотрел, как папа с Каем носятся, загоняя свиней. Непростое это было дело: видимо, картошка пришлась свиньям по вкусу. Одна из них попробовала удрать на дорогу, но тут уж я бросился ей наперерез и заорал:

– Эй! Пошла отсюда! Тут машины ездят. Возвращайся-ка лучше к Каю!

Свинья уставилась на меня. Глаза у нее были красивого синего цвета, а рыло – мокрое и блестящее. Потом она хрюкнула и побежала назад, на поле. Там-то Кай ее живенько и поймал.

Когда всех беглянок заперли обратно в загон, Кай стянул с головы кепку и отер пот со лба. Он пожал папе руку и о чем-то спросил. Папа пробормотал что-то в ответ. При этом он пару раз покосился на меня. Ясное дело, они говорили *о ней*.

Кай подмигнул мне, а я – ему. Попрощавшись, мы зашагали по вспаханному полю. Я отдал плавки папе. Потом мы поднялись по холму – к дому.

На самом деле наш дом не темный. Он желтый, большой и красивый, а окна – словно зеленые глаза. Вокруг сада растут кусты сирени и бирючины, в саду – яблони, груши и сливы, а у ворот – два высоких клена.

Когда папа открыл ворота, собаки подняли головы, но только Нинни подошла поздороваться. Другие остались лежать в тени.

– Пойду в дом, – сказал папа, не обращая внимания на Нинни. Он даже не повесил плавки на веревку, просто кинул их на крыльце.

Папа закрыл за собой дверь, а я опустился на траву рядом с Нинни. У нас четыре черно-коричневых собаки – коротколапых, с длинными ушами. Морды у них в складках, словно смятый бархат. Папа говорит, что их лай похож на звон четырех больших колоколов, созывающих на службу.

Я уткнулся носом в шерсть Нинни. Мне хотелось пойти в дом, но и оттянуть возвращение хотелось тоже. Хорошо было там, на песчаной косе: я забыл все печали и просто нежился с папой на солнышке и смеялся. Нинни ткнулась носом мне в ухо и засопела. Я обнял ее и прошептал:

– Господин Смерть просто дурак, верно?

Собака удивленно посмотрела на меня. У нее были обвисшие покрасневшие веки.

– Почему ему позволено забирать любого, кого захочет, даже не спрашивая разрешения?

Нинни лизнула меня в щеку. Это все, что она могла ответить. Летний ветер трепал ветки кленов, и листья танцевали, словно тысяча маленьких зеленых юбок.

Конечно, Господину Смерть не позволено забирать всех без разбору. Но ему достаются многие. Те, кто упал за борт, не умея плавать. Те, кто съел ядовитые ягоды в лесу. И те, кто заболел, как Семилла.

Это случилось несколько месяцев назад. Тогда ее еще не звали Семиллой, у нее было прежнее имя – мама. Мама – так ее звали. Однажды она призналась, что силы оставляют ее. Она не могла делать обычные вещи: ездить на велосипеде в магазин или подниматься с корзиной белья по лестнице. У нее ни на что не было сил. Папа решил, что ей нужно обследоваться. Наверняка ничего серьезного, ей надо просто есть больше мяса или гулять почаще, но все равно следует показаться доктору. И он отвез маму в город. А я остался у Палмгрена и играл с оловянными зверюшками. Родители пробыли у врача целый день, а домой вернулись бледные и притихшие. Я сразу понял: что-то стряслось. Потом, когда мы пили горячий шоколад в кухне и я отхлебнул из своей кружки, мама дотронулась до моей руки и сказала, что больна, что

умирает. У нее внутри нашли какую-то опухоль, которую невозможно удалить. Доктор считал, что опухоль слишком большая.

С этого момента у мамы появилось новое имя. Не знаю, откуда оно взялось. Когда я услышал, что она умрет, я перестал называть ее мамой. Не мог: это было слишком больно. Я просто сказал, что отныне стану звать ее Семилла. А она ответила, что имя ей нравится.

Порой я пытался вспомнить, как мы жили до ее болезни. Странно, но у меня ничего не получалось. Все словно стерлось. Будто ничего и не было. Чем я занимался тогда? Может, жил себе и радовался? Гулял целыми днями, хохотал и распевал песни? Не помню. Знаю только, что тогда все было иначе. Теперь я ничего особенного не делал. Мы ходили с папой купаться, а еще читали книги и все такое. Он пытался что-нибудь придумать, чтобы в доме не было так тихо и безжизненно. Мы обещали друг другу, что никогда ее не забудем. Будем помнить ее и разговаривать о ней каждый день – словно она никуда и не исчезла. Такие у нас были беседы.

– Саша?

Это папа вернулся. Голос его звучал хрипло. Может быть, он плакал?

– Идешь? – спросил он.

Я кивнул, отпустил шею Нинни и поплелся к двери. Пока я снимал в коридоре сандалии, папа спросил:

– Хочешь подняться наверх?

Внутри у меня все похолодело. Я посмотрел на него:

– Это уже случилось?

Он покачал головой.

– Нет.

Я поставил сандалии на полку и стал подниматься по крутой белой лестнице.

– Саша? – окликнул меня папа, когда я дошел до половины.

– Что?

Он ответил не сразу.

– Наверное, уже скоро, – сказал он тихо.

Я кивнул и пошел дальше. Скоро. Скоро придет Господин Смерть.

Мухи

Скоро придет время, – поднимаясь по лестнице, думал я, – когда все это останется: выкрашенные белой краской перила, скрипучие ступени, пыль в щелях, засохшие растения на стене. И мы с папой. А ее не будет. Скоро это время наступит.

Лестница вела на застекленную веранду: два дивана, стол, невысокие пальмы... Эта веранда казалась мне самым жутким местом у нас в доме. Там всегда было полным-полно мух. Некоторые еще живые, но большинство уже дохлые. Они валялись повсюду – на подоконниках и на полу. Многие считают, что мух бояться нечего, но я все равно боялся. Через несколько дней после того, как я узнал, что к нам придет Господин Смерть, мне приснились мухи. Их было очень много – сотни, а то и тысячи. Они садились мне на ноги и на руки, на лицо – у самого рта и у глаз. Я пытался убежать от них, мчался изо всех сил, но они не отставали. Мне казалось, я чувствовал, как их волосатые тельца щекочут мою кожу, как они лижут меня своими языками. Я закричал во весь голос, кричал и кричал, и вдруг проснулся. Это папа растолкал меня.

– Саша, Саша! Я с тобой!

Я плакал и не мог остановиться, а он обнимал меня и гладил по спине.

– Я буду заботиться о тебе, – шептал он.

Наверное, он решил, что мне приснился сон про Семиллу. Про то, что она умрет, – вот я и кричал. Но я почему-то не мог рассказать ему правду, что мне просто приснились мухи. Может, боялся, что он не поймет. Или рассердится и скажет: как можно кричать из-за таких пустяков! Из-за каких-то мух!

Этот кошмар преследовал меня. Снился вновь и вновь, так что стало казаться: хуже мух ничего быть не может. Теперь я пулей пробегал через веранду. Вот и в тот раз, поднявшись по лестнице, я хотел поскорее прошмыгнуть в комнату Семиллы. И вдруг застыл на месте. Я услышал какой-то новый звук. Легкое жужжание. Я оглянулся. Одинокaя муха билась о стекло. Тук-тук-тук.

Не знаю, с чего я решил, что должен помочь ей. Она мне нравилась ничуть не больше всех прочих.

И все-таки я ее пожалел. Она так спешила вылететь наружу, что готова была расшибиться насмерть, вновь и вновь врезаясь в стекло. Я осторожно подошел. Хватит ли у меня смелости открыть окно для этой злоюки?

Но тут муха подлетела ко мне и ударилась о щеку. Я вскрикнул и замахал руками:

– Не трогай меня!

Муха уселась на окно. Она напомнила мне собаку, которая топчется у двери и виляет хвостом – так ей не терпится пойти на прогулку.

– Ну уж нет! – пробормотал я, развернулся и кинулся прочь.

Войдя в спальню, я сначала отдышался. Семилла неподвижно лежала на кровати. Светло-каштановые волосы рассыпались по подушке. Веки опущены, словно она спит. Но, услышав, что я вошел, Семилла улыбнулась и открыла глаза.

– Привет, – прошептала она.

От нее прежней уже почти ничего не осталось. Кожа словно шелковая бумага – тонкая и прозрачная. Казалось, она почти не дышит, а воздух просачивается в тело прямо через эту бумагу.

Я забрался на кровать и прижался к ней. На тумбочке лежала желтая коробочка. Доктор говорил, что Семилле повезло: она почти не чувствует боли. Но на всякий случай дал ей таблетки: чтобы не пропал аппетит и все такое. Семилла с усилием повернула голову и вдохнула запах моих волос.

– Так пахнет мой мальчик, – сказала она.
Потом мы долго молчали. Из приоткрытого окна дул слабый ветерок.
– Что происходит, когда человек умирает? – спросил я.

Семилла облизала сухие губы.
– Царство Смерти... – проговорила она, – там все так же, как здесь, и в то же время все по-другому.

Я сел. Не знаю, почему я об этом спросил. Я и не думал, что она может что-то знать о Царстве Смерти. Но Семилла заговорила о нем как о чем-то само собой разумеющемся, и я стал ее расспрашивать.

– А как туда добираются?

– Путь туда... простой и быстрый, – ответила Семилла. – Просто оказываешься вдруг там. Я задумался на миг, попытался представить, что она имела в виду.

– Туда надо плыть на лодке?

Она снова улыбнулась.

– Да. На большой красивой лодке. Ты таких никогда не видел.

– Расскажи еще про Царство Смерти! – попросил я.

Она тоже ненадолго задумалась.

– Некоторые считают, что после смерти человек преобразается.

– Как это?

– Ну, перестает быть собой прежним. Смерть превращает человека в кого-то другого.

– В кого?

– Не знаю, Саша.

Она вдруг показалась очень усталой.

– Нет, скажи! Семилла, скажи, кем становятся после смерти?

Она положила холодную влажную ладонь на мою руку.

– Кем-то другим, но очень хорошим. Просто представь сам...

Я снова улегся рядом с ней и стал смотреть на побеленные доски на потолке. Кем-то хорошим? Кто бы это мог быть?

Может, орлан-белохвост? И правда, что, если Семилла превратится в морского орла – такого, которого мы с папой видели на косе? Это очень красивые птицы. Здорово, наверное, уметь летать: расправишь огромные крылья и поднимешься ввысь, за облака!

Но если она превратится не в морского орла, а, например, в какую-нибудь свинью? Вроде той, что тарасилась на меня на поле Кая? Конечно, свиньи тоже по-своему симпатичные. Глазки у них такие синие и любопытные, даже чем-то похожи на человеческие. Я улыбнулся, представив, что Семилла превратилась в миленькую кругленькую свинку и роет пяточком землю в поисках картошки.

Может быть, подумал я, она превратится в собаку – такую как Нинни? А что – ей бы это подошло. Нинни добрая, у нее бархатистая шерсть, печальные глаза под обвисшими веками, длинный шершавый язык, которым можно вылизать все печали, и лай, гулкий, как церковный колокол.

Да много в этом мире есть хорошего. Все-таки Господину Смерть придется не раз почесать в затылке, прежде чем он придумает, в кого преобразить Семиллу. Конечно, лучше бы она осталась самой собой. Она и так прекрасна, зачем что-то менять?..

Вдруг послышалось жужжание. В приоткрытую дверь влетела какая-то точка. И приземлилась на окне. Это была та самая беспокойная муха. Я вздрогнул и теснее прижался к Семилле. Она заметила, что я слежу за мухой, и спросила:

– Она тебе не нравится?

– Нет.

– Почему?

– Просто не нравится, и все. Я вообще мух не люблю. Я их боюсь.

Казалось, Семилла собиралась спросить еще о чем-то, но передумала. Она теперь быстро уставала и, наверное, хотела оставить силы, чтобы поговорить о другом. О том, что скоро должно было случиться.

– Ты готов к тому, что я уйду? – спросила она.

Я не знал, что отвечать. Может, я и был готов. В каком-то смысле я уже попрощался с ней. Время, когда она была моей мамой, прошло. И наступило совсем другое – время с Семиллой, когда мы ждали прихода Господина Смерть.

– Наверное.

Я протянул руку и провел по ее волосам, дотронулся до лица, коснулся всего, о чем хотел сохранить память.

– А *ты* готова?

– Конечно, – ответила Семилла и улыбнулась. Но какой-то ненастоящей, вымученной улыбкой. Через минуту она вдруг расплакалась. Я прижался к ней.

– Что с тобой?

Но она не могла ответить, только плакала.

– Тебе страшно?

– Да.

– Не надо, – сказал я и стал трясти ее. Мне хотелось смахнуть ее слезы, я не мог их видеть! – Ты же сказала, что готова. Это неправда? На самом деле ты не готова, Семилла?

– Готова... – прошептала она и глубоко вздохнула, стараясь сдержать плач. – Я готова отправиться туда. Но не готова оставить вас.

Она взяла мою руку и сжала с неожиданной силой. Взгляд ее прояснился. Она сказала:

– Я так сильно люблю тебя и папу, что моя любовь превыше всего. Понимаешь?

Я кивнул, но на самом деле ничего по-настоящему не понял.

А она продолжала:

– Саша, а что, если попробовать перехитрить Господина Смерть?

Я почувствовал, как бешено забилося мое сердце.

– Да!

– Ты веришь в это? – спросила Семилла, крепко сжав мою руку. В ее ясном взгляде появилось что-то новое. – Веришь, что это возможно?

– Да! Да! – прошептал я.

Семилла отпустила мою руку и упала головой на подушку, почти без сил.

– Я сделаю это, – сказал я и провел рукой по ее влажному лбу. – Я найду способ перехитрить Господина Смерть. Обещаю.

Семилла закрыла глаза и, почти не шевеля губами, прошептала:

– Хорошо, Саша. Попробуй.

И тут я снова услышал короткое жужжание и обернулся к окну. Муха наконец-то нашла щелку и вылетела наружу.

Отплытие

Выполнить обещание оказалось совсем не просто. Ну как перехитрить Господина Смерть?! Прошло несколько дней, Семилла все больше слабела и уже не вставала. Папа попросил, чтобы я ее лишний раз не беспокоил. Ей это уже не по силам, объяснил он.

Но однажды ночью, лежа в постели, я вдруг почувствовал, что все-таки должен поговорить с ней. Ведь я, сколько ни ломал голову, так и не нашел решения – вдруг Семилла хоть чуточку мне поможет? Если мы всё обдумаем вместе, то наверняка найдем способ.

Я откинул одеяло и встал. Шторы были задернуты, но в щелку проникал лунный свет, оставляя длинную серебряную полосу на стене. Куклы, машинки и плюшевые мишки казались серыми рисунками, а не настоящими игрушками.

Тени от пальм в горшках сделали стеклянную веранду похожей на джунгли. Я торопливо ступал по скрипучим половицам, а когда проходил мимо лестницы, почувствовал какое-то дуновение снизу. Но решил, что мне это почудилось.

Дверь в комнату Семиллы была открыта. Папа сидел на стуле у кровати. Так он проводил все последние ночи. Словно приклеенный. Он объяснил, что не хочет оставлять ее одну. Голова его была опущена, глаза закрыты. Одна рука – на кровати Семиллы. Но самой ее там не оказалось.

Поначалу я решил, что она просто встала, чтобы попить. Но ведь у нее давно не осталось сил на это. Если Семиллы нет на кровати, то, видимо, кто-то ее унёс.

Я развернулся и выскочил на веранду. И тут вновь почувствовал, как снизу дует: значит, мне тогда не показалось. Значит, оно было на самом деле: леденящее дуновение ночного ветра.

Я помчался вниз по лестнице. Я уже догадался. Да, я уже понял, что произошло. И все-таки сердце заколотилось как бешеное, когда я увидел все своими глазами. Входная дверь была распахнута. Значит, это правда: Господин Смерть приходил и забрал Семиллу. Даже дверь за собой не закрыл!

Тут я испугался. Нет, меня охватил смертельный страх. Он не смел забирать ее! Она не его, а моя и папина! Неправда, что я уже был готов к ее уходу. Вовсе нет! Я просто сам себя обманывал. В этот миг я понял, что не смогу жить, если она исчезнет.

Я выскочил из дома, сбежал босиком по каменным ступеням. В саду, очерчивая желтые круги на гравийной дорожке, горели фонарики. Собаки ждали, когда их выпустят за калитку. Нинни обедала крыжовник с куста. Она вильнула мне хвостом и проследила, как я промчался по дорожке и выбежал прочь из сада. Если лодка Господина Смерть большая, то она могла пришвартоваться к единственному причалу: только в одном месте у нашего берега глубина моря больше двух метров.

Небо над Меловой горой затянуло тучами – красивыми и жуткими одновременно. Бледная монета луны проглядывала сквозь облака и снова пряталась. У развилки я свернул направо, к причалам, и вскоре оказался на месте. Трава была влажной от росы, и моя клетчатая пижама промокла. Я ступил на мостки и пошел к краю причала. В этот миг я все еще сомневался. Все еще не верил, что лодка существует на самом деле, что я ее увижу. Я обвел взглядом черную воду – и вот же она! Большая и длинная, с острым парусом. Луна выглянула из-за туч, и я разглядел, в какие удивительные чистые цвета лодка выкрашена. Она быстро удалялась, подгоняемая взмахами весел. Такой лодки я никогда прежде не видел! Конечно, она могла принадлежать лишь Господину Смерть: ее ни с какой другой не спутать.

– Подождите! – крикнул я.

Но меня не услышали и не заметили. Весла взлетали и опускались в воду – ритмично, как по команде.

– Ты не можешь уехать! – крикнул я. – Семилла!

Но лодка уплывала все дальше и дальше. Набрав побольше воздуха, я крикнул из самой глубины своего сердца:

– Мама!

Но ничто не могло остановить гребцов.

Ялик Палмгрена был привязан двумя узлами. Я развязал их, спрыгнул в лодку, уперся руками в край причала и оттолкнулся. Потом вставил вёсла в уключины и начал грести.

Гребец из меня был неважный. Пытаясь догнать Господина Смерть, я бил веслами по воде так, что брызги летели в разные стороны. Но та необыкновенная лодка становилась все меньше и меньше. А если она совсем скроется из виду? Что мне делать тогда?

Нет, этому не бывать! Я изо всех сил налегал на весла, так что ладони горели.

Налетел ветер. Ни с того ни с сего. Море покрылось рябью, которая вскоре превратилась в настоящие волны. Гигантские пенные валы.

Поняв, что волны не утихают, а лишь становятся выше, я лег на дно лодки и подумал: это не обычный шторм. Уж не Господин ли Смерть его устроил? Может, заметил, что я пустился за ним в погоню, и захотел отделаться от меня?

Я уже не разбирал, держатся ли еще весла в уключинах или выскочили из них. Неважно. Попробуй я встать, меня сдуло бы за борт, словно листок бумаги. Мне оставалось лишь прижиматься ко дну лодки и ждать, когда стихнет буря. Пижама моя промокла насквозь. Ялик подбрасывало на огромных волнах. Я устал от этих качелей, меня мучило. Кажется, я задремал. Может, ненадолго, на пару часов. А когда проснулся, качка прошла.

Светило солнце. Волн и ветра как не бывало. Погода наладилась. Я сел. Оказалось, что лодку вынесло на берег – длинную песчаную косу. Но это была не та коса, куда мы обычно ходили с папой, а совсем иное место. Здесь я никогда раньше не бывал. Заслонясь рукой от солнца, я осмотрел сверкающее прекрасное море. Но не увидел другого берега.

Вдруг я услышал чей-то крик. Этот громкий, пронзительный голос показался мне знакомым. Он доносился из-за дюн. Я выбрался из лодки и поднялся на теплый песочный холм, заросший тростником. Внизу, в сочной зеленой траве, бегал маленький поросенок. Но вот чудно: бегал он не на четырех ногах, как обычные свиньи, а на двух. Я разглядывал его, спрятавшись в тростнике. Незнакомец был нарядный: длинная синяя рубаша, плетеный ремень и темные штаны. Плащ с блестящей подкладкой из медно-красного атласа накинут на плечи и заколот на груди пряжкой. Поросенок с криком носился по берегу, но я не мог взять в толк, чем он занят. Вдруг он остановился и воскликнул:

– Стоп!

И тут же принялся пинать все вокруг, размахивать копытцами и выкрикивать всякие угрозы. Я наконец-то догадался, в чем дело: он играл, представляя, будто с кем-то воюет.

Это выглядело забавно. Я с интересом следил за ним из тростника. Мне хотелось выбежать и напроситься к нему в игру, но я не решался. И все же меня тянуло туда, я словно изголодался по игре, как по лакомству, которого давно не пробовал.

А поросенок тем временем размахивал копытцами все сильнее. Он упал на колени, как бы признавая свое поражение, но вдруг воспрял духом и снова вскочил, чтобы продолжать бой. Его воображаемый противник, видимо, решил обратиться в бегство, потому что поросенок издал боевой клич, поднял какую-то палку и рванул вперед, держа ее перед собой словно меч. Он вломился в заросли тростника, как раз там, где я лежал. И застыл на месте, выронив палку.

– Извини, – сказал я, поднимаясь. – Я тебя нечаянно напугал?

Он не ответил, только таращился на меня, будто не верил своим глазам.

– Скажи, правда, что я приплыл в... Это ведь Царство Смерти? – спросил я.

Поросенок явно был озадачен, но все-таки кивнул и ответил:

– Ясное дело.

Друг

Поросенок оглядел меня с ног до головы, а потом с головы до ног. У него были любопытные синие глазки. Милая мордочка, розовая и веселая. Мокрый блестящий пяточок.

Поросенок вытянул шею и заметил ялик у самой воды.

– Ты что, приплыл сюда на своей собственной лодке? – спросил он.

Я покачал головой.

– Это ялик соседа.

И тут же почувствовал угрызения совести. Палмгрен был таким добрым и так заботился о своем ялике! Наверняка он ужасно огорчится, когда обнаружит пропажу.

Поросенок помчался к морю, чтобы рассмотреть ялик вблизи. Я пошел за ним следом. Он положил копытце на борт и задумался. Затем осмотрел весла. Они были на месте и надежно держались в уключинах.

– Только два?

– Да, – кивнул я.

Поросенок озадаченно хмыкнул, словно обнаружил что-то удивительное, а потом продолжил осмотр.

Теплый тихий ветерок, гулявший в зарослях тростника, шевелил мои волосы: они уже успели высохнуть. Я обвел взглядом берег. Царство Смерти. Надо же, куда я попал! Оказывается, достаточно было раздобыть лодку. А я-то думал, что сначала придется умереть.

В животе закололо: а если я *умер*? Может, я стукнулся обо что-нибудь, пока лежал на дне лодки и ее швыряло волнами? Если сильно удариться головой, можно и умереть.

Я подошел к кромке воды и посмотрел на свое отражение. Лицо по-прежнему мое. Я все еще Саша. Может, лишь немного встрепанный, словно спросонья. Но в этом не было ничего странного. Я обернулся к поросенку. Он все еще стоял и рассматривал ялик Палмгрена. Пнул пару раз по корпусу, как будто хотел проверить его на прочность.

– Правда, что Господин Смерть преображает тех, кто умирает? – спросил я. – Что перестаешь быть человеком и становишься кем-то другим?

– Ну да, – кивнул он, потом потянулся и, немножко важничая, объяснил: – Можно стать спартаном, гарпиром или хильдином. Я вот – хильдин.

Последнюю фразу он произнес таким тоном, словно хотел дать понять: быть хильдином – лучше всего.

Я облегченно вздохнул: выходит, я живой. Опустившись на теплый песок, я смотрел на море и размышлял, что все это значит: я не умер, но все-таки попал сюда. Как мне теперь вернуться обратно? А еще я думал о папе: вдруг он уже заметил, что ни меня, ни Семиллы нет? Наверняка он страшно огорчится.

А потом я вспомнил наш разговор с Семиллой.

– Как ты считаешь, – спросил я поросенка, который на самом деле был не свиньей, а хильдином, – можно ли перехитрить Господина Смерть?

Он нахмурился, словно я сморозил какую-то чушь.

– Зачем тебе это?

Я засомневался: стоит ли ему объяснять? Мы ведь только познакомились, а про Семиллу можно было рассказать лишь другу.

Но когда я посмотрел на эту милую розовую мордочку и взглянул в его синие любопытные глазки, он и впрямь *показался* мне другом. Конечно, ему можно довериться!

Я начал издали, чтобы ему легче было понять, что и как. Рассказал подробно о болезни и нашем притихшем доме, о том, как я любил Семиллу и как испугался, когда она исчезла. О

том, как я взял ялик Палмгрена, чтобы плыть за лодкой Господина Смерть. И признался, что не могу забыть тот наш разговор с Семиллой. А вдруг у меня получится забрать ее назад?

Когда я закончил рассказ, маленький хильдин очень серьезно посмотрел на меня.

– Я *уверен*, что перехитрить Господина Смерть очень-очень трудно, – сказал он. Потом закусил губу и добавил: – Но если хочешь, попробуй.

Я снова оглядел кромку берега.

– Ты знаешь, где его лодка? – спросил я.

– Конечно.

Хильдин знаком пригласил меня следовать за собой.

– Мой папа у него в команде.

– Правда? – удивился я и припустил за ним.

– Да, он там капитан, – сообщил мой новый приятель с довольным видом. – На лодке Господина Смерть тридцать два гребца, так что это очень большая ответственность.

Мы пошли вдоль берега, вскарабкались по песчаным дюнам и оказались на большом лугу. Такой густой зеленой травы я никогда раньше не видел: стебли широкие, будто лезвия ножей. Вдалеке петляла речка, по берегам которой росли черемуха и рябина. А над всем этим простиралось синее небо, по которому медленно плыли облака.

– Так, значит, это твой папа побывал у нас ночью, – сказал я, пока мы шли по лугу. – Пришвартовался у причала Палмгрена и забрал Семиллу.

– Ну да, – ответил поросенок, пожав плечами.

– Разве это не ужасно? – спросил я. – Знать, что твой папа служит у Господина Смерть?

– А что в этом такого? – удивился он. – Ведь все на него работают.

– Только не мой папа, – сказал я.

– Да, но когда он попадет *сюда*...

Поросенок вытянул копытце и указал на что-то вдалеке.

– Вон там наш поселок, – сказал он. – И там же гавань, где стоит лодка Господина Смерть.

Я разглядел тонкие нити печных дымков, поднимавшиеся к небу.

Поросенок помедлил, почесывая в задумчивости подбородок.

– Но вряд ли ты найдешь его там. Он сразу же снова пускается в путь.

– Куда?

– К себе домой. И твоя мама вместе с ним, конечно. До дома Господина Смерть путь неблизкий.

Я хотел спросить, как далеко этот дом, но он вдруг вздрогнул и прищурился.

– В чем дело?

– Кто-то идет.

Я вытянул шею. И правда, к нам приближались двое. Маленький хильдин с тревогой огляделся. Взгляд его упал на кусты терновника, ягоды на котором уже созрели и были похожи на темно-синие шарики для игры в марблс.

– Пойдем, – сказал он и потянул меня за руку.

– Что ты задумал?

– Спрячемся.

Он забрался в терновник, и я следом. Острые, как иглы, шипы прокалывали пижаму и царапали кожу. Но пахло там здорово: такой пряный сладковатый аромат.

– Кто это идет? – спросил я.

Мой новый знакомый раздвинул ветки и присмотрелся.

– Это папа и Тялве, – ответил он.

Двое как раз подошли к кустам. Один покрупнее – толстопузый и жирный. Рыло все в щетине. Из пасти, будто белые блестящие крючки, торчали два клыка. Подкладка плаща

переливалась золотом, а на поясе висел меч. Второй – худощавый и высокий, в длинном плаще с зеленой подкладкой.

– Этот Тялве что, твой старший брат? – прошептал я.

Он кивнул.

– Так почему... – начал было я, пытаясь одновременно избавиться от шипа, коловшего мне спину. – Почему мы от них прячемся?

– Я подумал, – ответил маленький хильдин, – если Господин Смерть узнает, что ты здесь, то может тебя убить. Вряд ли он захочет оставлять живых в своем царстве.

– А твой папа что, обязан доносить обо всем Господину Смерть? – спросил я. – Разве ты не можешь попросить его держать это в секрете?

Поросенок покачал головой.

– Папа не захочет иметь тайн от Господина Смерть, – сказал он и присел на корточки – такой розовенький и милый, словно цветок шиповника. На щеке у него красовалась свежая царапина.

– Ты говоришь, что Господин Смерть не желает иметь живых у себя в царстве, – прошептал я, следя за капельками крови, которые выступили из царапины. – Значит ли это... Ну, что и ты тоже неживой?

Он на миг задумался. Его папа и брат остановились в нескольких метрах от нас и осматривали окрестности.

– Нет. Просто я не могу умереть, – наконец ответил он.

Хирн

Мы лежали в колючих зарослях, не смея пошевелиться или сказать хоть слово. Тялве и его огромный папа остановились всего в нескольких метрах от нас. Старший брат долго осматривался и наконец пробормотал:

– Он часто приходит сюда.

Папа захрюкал в ответ. Голос у него был низкий, словно раскаты грома.

– Я велел ему не уходить далеко от дома, – продолжал Тялве, – но он, как всегда, не послушался. Ну почему нам вечно приходится разыскивать его? Разве у нас нет дел поважнее?

Папа снова захрюкал.

– Я сегодня колол дрова, убирался в саду, стирал и готовил еду, – продолжал Тялве. – А он чем занимался? Играл и бил баклуши. И вот теперь из-за него обед задерживается. А ведь мне еще надо успеть собрать орехи.

– Обойдемся один день без орехов.

– Конечно, но все-таки... не пора ли Трине больше помогать по дому? Поговорил бы ты с мамой об этом. Разве можно бездельничать просто потому, что ты маленький?

Папа упер копыта в бока, огляделся и гаркнул:

– Трине! Обедать пора! Где ты?

Он подождал немного и, не получив ответа, кивнул в сторону песчаных дюн.

– Пойдем, может, он на берегу.

Они зашагали прочь по густой зеленой траве и скоро скрылись из глаз.

Я покосился на маленького хильдина, прятавшегося со мной в кустах. Он встряхнул мокрой мордой. Я не мог понять, рассердился он или огорчился – или и то и другое вместе. Но я догадывался: не так-то приятно услышать то, что говорили о нем папа и Тялве.

– Трине, – повторил я. – Это тебя так зовут?

Он кивнул.

– А меня Саша, – сказал я и протянул ему руку.

Он протянул в ответ копытце и словно немножко повеселел. Трудно объяснить, но мне вовсе не казалось странным, что я пожимаю не руку, а крепкое волосатое копытце. Я считал, что это вполне нормально.

Трине посмотрел туда, где скрылись Тялве и его папа, а потом, прищурившись, оглянулся в сторону поселка. Глаза его походили на два небесно-синих камешка, а брови были светлые, почти белые.

– Ты правда хочешь отыскать Господина Смерть? – спросил он. – Хотя и знаешь, что он может убить тебя?

Я надолго задумался, прежде чем ответить. Как все это будет, если я умру? Я никогда больше не увижу папу, Нинни и моих плюшевых мишек. Никогда не прокачусь у папы на плечах до песчаной косы и не увижу, как наши мокрые плавки оставляют цепочку капель-следов на дороге. Никогда больше не открою калитку в наш сад, не посижу в траве под кленами в тенистой прохладе и не буду смотреть, как ветер колышет листья, словно пускает в пляс тысячу зеленых юбочек.

Все это я могу потерять, если отправлюсь на поиски Господина Смерть.

А если я не стану его искать, если вернусь домой, то сохраню все это и потеряю лишь одно. Я думал, что уже смирился с этой потерей, но на поверку вышло иначе: я оказался не готов к ней.

– Да, хочу, – ответил я. – Хочу найти Господина Смерть.

Трине кивнул. Он прикусил губу, а потом сказал:

– Тогда я тебе помогу.

– Правда?

– Конечно. Кто-то же должен показать тебе дорогу.

Не знаю, как это случилось, но внезапно мои руки обняли его и сжали так, что кости хрустнули. Трине эти объятия удивили не меньше моего, но за ненормального он меня точно не принял. Нет, он улыбнулся так, что я увидел все его белоснежные зубы, и в глазах у него заплясали радостные искорки.

– Ну, идем? – спросил я.

– Сперва надо немножко поработать над твоим видом, – ответил он и выбрался из кустов. Я последовал за ним. Когда мы встали на ноги, он снял с себя плащ с красивой медно-красной подкладкой, вытащил несколько шипов, застрявших в ткани, а потом надел его мне на плечи. Плащ оказался тяжелее, чем я думал. Он был очень теплый. Трине застегнул пряжку на левом плече и накинул мне на голову большой широкий капюшон. Отступил на пару шагов и осмотрел меня.

– Не так уж и плохо. Только старайся их не высовывать, – он кивнул на мои босые ноги. – А теперь идем ко мне домой. Надо собрать вещи в дорогу.

Трине показал мне тропу напрямик в поселок, но мы по ней не пошли, чтобы ни с кем не встречаться. Вместо этого мы направились к реке. Она протекала по лугу, словно длинный кривой разрез от ножа, а по обоим берегам густо росли рябина и черемуха. Они укрывали нас от посторонних взглядов, пока мы шагали к далеким печным дымкам.

Приятно было идти босиком по влажной траве, чувствовать, как клевер щекочет ступни, а маленькие цветки застревают между пальцами. Когда мы дошли до дикой яблони, устроили привал. Трине залез на дерево и сорвал нам по яблоку. Мы уселись на берегу, опустили ноги в реку, плескали ими по воде и жевали яблоки.

В Царстве Смерти было как-то по-особому спокойно... словно на кладбище. Я не сразу догадался почему. А потом понял: обычно, когда сидишь вот так у реки, над тобой летают ласточки, пчелы и бабочки. А здесь мы были только вдвоем – я и Трине, да еще ветер, шевеливший траву.

– У вас что, тут нет ласточек? – спросил я.

– Чего? – переспросил Трине и выплюнул огрызок.

– Ласточек. А еще пчел и бабочек. Есть они в Царстве Смерти или нет?

– Насколько мне известно, нет, – ответил он, помедлил немного и спросил: – А кто они такие – эти ласточки, пчелы и бабочки?

Я постарался не рассмеяться: не хотел выглядеть невежливым. И все-таки забавно было сидеть вот так рядышком и болтать ногами в воде с тем, кто не знал об обыкновенных бабочках.

– А косули? – допытывался я. – Навозные жуки? Или ежи?

Трине понюхал цветок клевера и задумался.

– Пассатижи у папы в ящике для инструментов наверняка найдутся, – сказал он. – Но о других я никогда не слышал.

Я смотрел на темную мутную воду и чувствовал, как трава щекочет мою ладонь.

– А мухи? Про них ты слышал?

Раздался тихий всплеск, это Трине швырнул в воду палку.

– Не-а, – ответил он. – Ну что, пойдем?

И мы пошли дальше. Я вдруг почувствовал себя необыкновенно счастливым. Счастливым и сильным! И смелым! Но не только потому, что оказался там, где не было мух. Нет, не только поэтому. Может быть, потому, что не остался дома, а отправился за Семиллой.

Страна, где жили хильдины, называлась Хильд, рассказал Трине. А поселок, куда мы направлялись, назывался Хирн. У меня засосало под ложечкой, когда запахло печным дымом. Трине шагал рядом и тихонько что-то напевал. Для него, конечно, тут не было ничего нового и удивительного. Он продирался сквозь густую траву и то и дело подсказывал, чтобы идти

побыстрее. Вдруг он остановился, словно столкнулся с серьезным препятствием. Похоже, маленький хильдин сообразил, что приятель, которого он ведет домой, не очень-то желанный гость. Что, если жители поселка... Как они меня встретят?

Трине еще раз осмотрел мою одежду.

– Надвинь капюшон пониже, – велел он. – И ни за что не поднимай голову.

Мы свернули от реки и пошли по сухой пыльной тропинке. Я не отставал ни на шаг. Мы больше не продирались сквозь траву, а шли по цветущему лугу. Все цветы тут были одинаковые – маленькие лиловые колокольчики на тонких стебельках. Порой мне казалось, что я вижу на лугу какие-то склоненные силуэты, но я не был в этом уверен: капюшон мешал их разглядеть. А мне так хотелось рассмотреть здесь все хорошенько!

Когда мы вошли через южные ворота в поселок, в нос ударил запах навоза. Тут уж я не смог сдержать любопытства и чуть-чуть приподнял капюшон.

На извилистой улице стояли тесно прижавшиеся друг к другу старинные фахверковые¹ дома из кирпичей и бревен, выкрашенных в тускло-красный, как кровь, цвет. Крыши поросли густым мхом. Почти из каждой печной трубы поднималась тонкая нитка дыма.

Сады утопали в цветах: жимолость, васильки, маргаритки. На одном клене висели качели, сделанные из мешка и двух веревок. На посеребривших, потрескавшихся табличках у калиток были написаны имена хозяев: Золотая Щетина, Земляная Нога, Жирная Шея.

– Опустим сейчас же капюшон, пока тебя никто не заметил! – прошипел Трине. – Ты что, не понимаешь?

– Прости, – буркнул я. – Трудно удержаться, очень хочется все рассмотреть.

– Еще труднее будет объяснить, почему у тебя нет рыла, – проворчал Трине.

Я поднял руки, чтобы хорошенько натянуть капюшон, так что на время перестал следить, куда шагаю, – и тут же в кого-то врезался. У незнакомца были грязные копыта и жирное пузо – такое толстое, что выпирало в прореху между штанами и курткой, словно бледное щетинистое тесто.

¹ Фахверк – тип конструкции: деревянный каркас с промежутками, заложеными кирпичом. *Прим. ред.*

Встреча

– Не видишь, куда идешь? – проревел толстяк, в которого я врезался. От него разило потом и навозом.

– Да, то есть нет. Я тут запутался с капюшоном, – пробормотал я, а сам подумал: хорошо, что этот вонючка не обратил внимания на мои руки! Я отступил в сторону и хотел обойти его, но он вытянул вперед копыто и остановил меня.

– Что надо сказать?

– Когда?

– Что надо сказать, если шел, не разбирая дороги?

Трине, не заметив, что я остановился, уже успел пройти немного вперед и теперь поспешил вернуться.

– Надо извиниться, – подсказал он.

– Ах да, конечно. Извините, пожалуйста.

Я снова попытался улизнуть, но толстяк пнул меня копытом:

– А капюшон почему не снимаешь?

Я не знал, что отвечать. Противно стоять вот так и получать пинки от того, кого и разглядеть-то как следует не можешь, а знаешь только, что это какой-то вонючий верзила.

– Солнце сегодня больно припекает, – снова подсказал Трине и потянул меня: – Пойдем!

– Ну нет! – рывкнул вонючка и снова пнул меня. – Не такое оно и яркое. Что-то тут не так, – пробормотал он, не спеша заправляя жирный живот в штаны. – Что это у тебя за куртка?

Сначала я не понял, о чем речь, но тут заметил, что воротник моей пижамы торчит из-под плаща.

– Обыкновенная куртка, – сказал я.

– Ничего себе обыкновенная! – гаркнул толстяк. – В наших краях таких не носят. Кто ты, собственно, такой? Может, спартан?

– Никакой он не спартан, – вступился за меня Трине. – Слово даю. Да отпусти уже нас!

– А я думаю, что спартан! – проревел толстяк и ткнул копытом мне в живот. – Может, Король Спарты подослал тебя к нам шпионить?

– Я знать не знаю Короля Спарты, – сказал я и теперь по-настоящему испугался: этот толстый верзила распалился не на шутку, и вдобавок, похоже, у него не все дома – ну я и влип!

Он наклонился ко мне.

– Так сними тогда капюшон, – велел он. – А не снимешь сам, я тебе помогу.

Когда толстяк схватился за мой капюшон, у меня сердце ушло в пятки. Он почти уже сорвал его, как вдруг кто-то отпихнул верзилу с такой силой, что тот потерял равновесие и свалился.

– Сегодня, что ли, все забыли, как себя вести? – проревел он, растянувшись посреди улицы.

– Извини! – бросил на бегу тот, кто его толкнул. – Всех ссылают на рыночную площадь. Что-то случилось!

– Что еще там стряслось? – прошипел толстяк, но толкнувший его хильдин уже умчался.

Множество хильдинов, один жирнее другого, бежали вниз по улице – туда, где, видимо, была площадь и откуда доносился звон колокола. Толстяка, сидевшего на дороге, то и дело толкали. Рыча от бешенства, он наконец поднялся на ноги. И, видимо, решил, что сбор на площади важнее, чем я и мой капюшон. Я услышал, как он, прежде чем устремиться за остальными, пробормотал: «Тебе повезло». И был таков.

Трине глубоко вздохнул и заправил воротник моей пижамы под плащ.

– Ты чудом спасся, – сказал он. – Скорее бежим домой.

Мы припустили по узкой улочке, которая круто шла в гору. Иногда я спотыкался о валявшиеся повсюду картофельные очистки, а один раз наступил в лужу помоев: кто-то вылил их прямо на улицу. Колокол продолжал звонить, и по дороге нам то и дело встречались хильдины, спешившие на площадь.

– Интересно, что там стряслось, – сказал я, задыхаясь от бега. По спине у меня тек пот, плащ и в самом деле был очень теплый.

– Да какая разница! Главное, чтобы тебя не заметили, – ответил Трине. – Вот мой дом.

Я осторожно приподнял капюшон и посмотрел на дом, который он мне показывал, – свежепокрашенный и довольно большой, с двумя окнами, выходящими на улицу. На веревке между яблонями сушились выстиранные штаны. Садовая ограда была сложена из серых камней. Местами она разрушилась, но все-таки выглядела нарядно; поверху росла бирючина, словно пояс из живой зелени и розовых цветов.

– Мы войдем? – спросил я.

Трине неуверенно покосился на дом.

– Не знаю... – начал он, но не успел досказать, потому что дверь вдруг распахнулась. Мы едва успели нырнуть за телегу, стоявшую возле дома. Сквозь спицы серого колеса я увидел того, кто вышел на крыльцо. И застыл от испуга и восхищения. Ни один из хильдинов, которых я встречал до этого, не был таким толстым. Казалось, что крыльцо под этим великаном вот-вот проломится. Живот похож на пузатую бочку, ноги здоровенные, как стволы, на спине огромный горб. Лицо сморщенное и бугристое, а глаза – пара едва различимых щелочек между складками жира. Одет он был в штаны и куртку из коричневой грубой ткани.

Хильдин закрыл дверь, спрятал ключ в щель под крыльцом и зашагал вниз по улице – туда, где звенел колокол.

Трине пихнул меня локтем.

– Видишь, какая у меня мама красивая! – прошептал он.

– Это что, т-твоя м-мама? – потрясенно спросил я, глядя, как она скрывается за поворотом.

– Конечно, – подтвердил Трине. В его синих глазах светились любовь и гордость.

– А она тоже служит у Господина Смерть? – уточнил я.

– Ясное дело. Она гребец.

С этими словами Трине напряг мускулы своих коротеньких ручек и подмигнул мне, словно хотел сказать: тот, кто хочет стать гребцом у Господина Смерть, не должен быть слабым.

Трине выглянул из нашего укрытия, огляделся и прошмыгнул к дому, а я следом. Он выудил ключ из тайника и с легким щелчком открыл дверь.

В сенях запах навоза и жареной картошки смешивался с тем домашним запахом, который обычно ощущаешь, если приходишь в чужой дом, но никогда – если возвращаешься к себе. Внутри оказалась просторная комната, пол вымощен кирпичами. Посредине сложен очаг. Рядом – блестящие медные чайники и чугунные кастрюли. Обеденный стол и стулья, столешница истерта и поцарапана. В дальнем конце комнаты я заметил лестницу на чердак и несколько деревянных сундуков, расписанных цветами. Стены украшали многочисленные рисунки, изображавшие хильдинов за самыми разными занятиями: они танцевали, целовались, держали на руках маленьких хильдинчиков. Но больше всего мне понравилась та картина, где была нарисована лодка. Это была лодка Господина Смерть, на которой работали папа и мама Трине. Даже на картине она казалась такой красивой, что у меня ком подступил к горлу, и я с трудом сдержал слезы.

Трине достал плоскую корзину с лямками и заметался между сундуками, собирая вещи, которые могли нам понадобиться в путешествии: одеяло, запасные штаны, нож, огниво, оловянная фляжка. Он подскочил к очагу и сгреб оттуда в корзину кукурузные лепешки, бакла-

жаны, жареную картошку, вареные бобы и еще что-то съестное. Пару картофельных оладий он протянул мне, и они оказались очень вкусными. Кроме того дикого яблока я давно уже ничего не ел.

Я жевал, продолжая рассматривать лодку на картине. Никак не мог насмотреться.

– Какой он? – спросил я.

– Кто?

Трине слизывал жир со своих копыт.

– Господин Смерть. Он... Я хочу знать: он и вправду ужасный?

– Вовсе нет. Папа говорит, что лучше Господина Смерть он никого не знает.

– Как он может такое говорить? – ужаснулся я.

– Ну... Мы же все как бы принадлежим ему. А вот ты – нет.

Последняя фраза заставила меня поежиться. Трине произнес ее так, что я почувствовал, насколько я здесь одинок. Он, видимо, заметил, что я пал духом, закрыл крышку корзины и попытался меня утешить:

– Не бойся: ничего с тобой не случится. Пока никто не знает, что ты здесь. Да и откуда им о тебе узнать?

И правда, как меня могут обнаружить? Я задумался, вспомнил о сходе на рыночной площади, на который все так спешили. А еще – о папе и старшем брате Трине, которых мы встретили неподалеку от берега. Но тут за дверью послышались взволнованные голоса. У меня мороз пробежал по коже, я посмотрел на Трине и воскликнул:

– Ялик Палмгрена!

В сундуке

Наверняка в колокола звонили из-за лодки Палмгрена. Когда папа и Тялве отправились на поиски Трине, они обнаружили на берегу ялик. Поспешили назад в Хирн и созвали хильдинов – решать, что делать. Теперь все знают: приплыл чужак. Живой, а не мертвый.

Трине тоже услышал голоса за дверью и в панике оглядел комнату. Взгляд его упал на сундук, из которого он только что вытащил одеяло. Он зна

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.